

RU

Сравнительная характеристика концептуальной основы официального и неофициального устного военного дискурса

Шермазанова С. В.

Аннотация. Цель исследования – установить характер регистровой вариативности системы опорных концептов русского устного военного дискурса. В статье сопоставляются публичные выступления военно-политических руководителей и интервью участников боевых действий за 2022–2024 гг. На основе корпусного и концептуального анализа определяются состав, частотность и смысловые связи опорных концептов. Научная новизна исследования состоит в разработке комплекса критериев выделения опорных концептов, а также в обосновании двух взаимосвязанных моделей концептуальной организации устного военного дискурса, то есть в установлении того, что различия между регистрами проявляются в содержательной и сценарной перестройке общих опорных концептов при сохранении единой концептуальной основы. В результате исследования установлено, что официальный регистр организован вокруг концептов АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ВООРУЖЕНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ и ВОЙНА, а в неофициальном регистре масштаб концептуализации смещается к опыту военнослужащего через репрезентацию концептов ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ, БОЙ, ОРУЖИЕ и ВОЙНА, самостоятельный экзистенциально-аффективный блок занимают концепты ЖИЗНЬ, ПОТЕРИ и СТРАХ. Концепты, общие для двух регистров, различаются актуализируемыми признаками, смысловыми связями и типовыми сценариями, что отражает переход от институциональной перспективы к осмыслению действий и переживаний непосредственного участника боевых действий.

EN

A comparative analysis of the conceptual framework of official and unofficial spoken military discourse

S. V. Shermazanova

Abstract. The study aims to determine the nature of register variation within the system of core concepts in Russian spoken military discourse. The article compares public speeches by military-political leaders and interviews with combat participants from 2022–2024. Based on corpus and conceptual analysis, the composition, frequency, and semantic connections of core concepts are identified. The scientific novelty of the study lies in developing a set of criteria for identifying core concepts, as well as in substantiating two interrelated models of the conceptual organization of spoken military discourse. Specifically, the research demonstrates that differences between registers manifest through the substantive and scriptal restructuring of shared core concepts while maintaining a unified conceptual foundation. The study establishes that the official register is organized around the concepts ARMY / ARMED FORCES, ARMAMENT, COMMAND, and WAR, whereas in the unofficial register, the scale of conceptualization shifts toward the serviceman's personal experience through the representation of the concepts UNIT, COMBAT, WEAPON, and WAR, with an independent existential-affective block formed by the concepts LIFE, LOSSES, and FEAR. Concepts shared by both registers differ in their actualized features, semantic links, and prototypical scenarios, reflecting a transition from an institutional perspective to an interpretation of the actions and experiences of a direct combat participant.

Введение

В контексте современной когнитивной лингвистики особенно актуальным представляется вопрос о том, насколько устойчивой остается концептуальная организация военного дискурса при изменении регистра коммуникации.

Современные медиа меняют характер репрезентации военной сферы, и неофициальная военная коммуникация все чаще выходит за пределы закрытого профессионального общения. Одновременно меняется

официальный регистр военного дискурса, а военные институты активно адаптируют формат своей публичной коммуникации к социальным сетям, меняя способы публичной репрезентации армии и военных событий. Так, официальный и неофициальный регистры сохраняют свою коммуникативно-прагматическую специфику, но все чаще сосуществуют в едином медиакоммуникативном пространстве. В результате одно и то же явление военной действительности может по-разному осмысляться и описываться в зависимости от позиции говорящего.

В этой связи актуальность исследования обусловлена прежде всего изменением условий функционирования военного дискурса, в котором институциональные способы представления военной действительности сосуществуют с публичным выражением индивидуального боевого опыта.

Значимость этой проблемы определяется необходимостью установить, какие характеристики концептуальной организации принадлежат военному дискурсу в целом, а какие обусловлены конкретным регистром.

Решение проблемы требует согласованного учета частотности языковых репрезентантов, их распределения по текстам, содержания концептов и связей между ними. Такой подход необходим для сопоставимости концептуальных описаний разных форм профессиональной коммуникации и для объяснения того, как коммуникативная позиция говорящего влияет на языковое представление одной и той же действительности.

Ранее интервью участников специальной военной операции уже становились материалом для описания концептов ВОЙНА, ЖИЗНЬ, СТРАХ, ГЕРОИЗМ и РОДИНА и связанных с ними метафорических моделей (Шермазанова, 2025). В настоящей работе этот материал рассматривается в иной исследовательской перспективе и сопоставляется с корпусом официальной устной военной коммуникации.

Основные задачи исследования:

- раскрыть содержание понятия «опорный концепт» и обосновать критерии его выделения в корпусе устного военного дискурса;
- определить состав опорных концептов официального и неофициального регистров и сопоставить частотные профили их языковой репрезентации;
- соотнести содержание, смысловые связи и сценарную организацию общих и функционально соотносимых концептов двух регистров;
- систематизировать выявленные концепты по смысловым блокам и построить модели концептуальной организации официального и неофициального регистров устного военного дискурса.

Методы исследования включают теоретический анализ научной литературы, корпусный, количественный, контекстуальный, концептуальный и сравнительно-сопоставительный анализ. Теоретический анализ использован для уточнения понятия «опорный концепт», разграничения концептуальной значимости и частотности языковой репрезентации, а также обоснования критериев выделения опорных концептов.

Корпусный анализ с применением программы AntConc обеспечил формирование частотных списков, извлечение контекстов употребления лексем-репрезентантов и получение данных об их сочетаемости. Количественный анализ применялся для определения частотной представленности репрезентантов и их распределения по текстам подкорпусов. Контекстуальный анализ позволил отобрать употребления, репрезентирующие соответствующий концепт, исключить нерелевантные значения многозначных единиц и уточнить содержание лексических номинаций в конкретных высказываниях.

Концептуальный анализ использовался для реконструкции номинативных полей, выделения устойчивых когнитивных признаков, оценок, ролевых позиций и типовых сценариев, а также установления связей между концептами. Анализ охватывал понятийные, образные и эмоционально окрашенные репрезентации. Метод сравнительного анализа применялся для выявления сходств и различий в составе опорных концептов, частотных профилях, содержании и сценарной организации двух регистров. На основании этого сопоставления определялись основные направления регистровой вариативности.

Материалы исследования представлены двумя подкорпусами устного военного дискурса за 2022-2024 гг. Первый включает девять транскрибированных публичных выступлений военно-политических руководителей Российской Федерации общим объемом 52,7 тыс. слов. Второй образован транскриптами восьми видеointервью участников боевых действий; его объем составляет 54,1 тыс. слов. Подкорпусы соотносятся с официальным и неофициальным регистрами соответственно. Принадлежность ко второму регистру определяется ориентацией высказываний на индивидуальный опыт участника боевых действий и не исключает публичного характера интервью. Полный перечень материалов обоих подкорпусов с указанием авторов или участников, названий, дат публикации и электронных адресов приведен после основного текста статьи; в аналитической части примеры сопровождаются ссылками на соответствующие позиции этого перечня.

Теоретическая база исследования объединяет положения теории дискурса и когнитивной лингвистики. Представления о глобальной смысловой организации дискурса, его макроструктуре и тематическом единстве рассматриваются с опорой на работы Т. ван Дейка (Dijk, 1980), Дж. Браун и Дж. Юла (Brown, Yule, 1983), М. Л. Макарова (2003), Дж. Ренкемы и К. Шуберта (Renkema, Schubert, 2018). Эти положения используются для разграничения тематической направленности высказываний и концептуальных структур, организующих их содержание.

Трактовка опорного концепта основывается на работах В. З. Демьянкова (2003), Н. Ф. Алефиренко (2009), Е. А. Селивановой (2002) и Ж. А. Вардзелашвили (2004), в которых раскрываются связь дискурса с концептуальной организацией знания и системообразующая функция его смысловых центров. Для обоснования зависимости языкового выбора от условий коммуникации привлекаются исследования Д. Бибера и Дж. Эгберта (Biber, Egbert, 2023), а также работа Д. Келлера (Keller, 2026), посвященная когнитивному представлению

регистра. Возможности изучения концептуального содержания через контекстные и коллокационные связи учитываются в работе У. Кауфмана и Р. Хаанса (Kaufmann, Naans, 2021).

При характеристике военного дискурса используются исследования Л. А. Шашок (2018), О. И. Калинина, С. В. Шермазановой и Т. С. Большаковой (2025), раскрывающие его институциональные особенности. Работы А. С. Романова, М. Б. Клименко и С. С. Прохорова (2024), М. Войса (Voice, 2022) и С. В. Шермазановой (2025) учитываются при рассмотрении языковой репрезентации военной картины мира и индивидуального опыта военнослужащего.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных критериев выделения опорных концептов и результатов межрегистрового сопоставления при преподавании дисциплин «Когнитивная лингвистика», «Теория дискурса», «Корпусная лингвистика» и «Теория профессиональной коммуникации». Материалы могут служить основой для учебных заданий по выявлению языковых репрезентантов концептов, разграничению частотности и концептуальной значимости, анализу контекстной обусловленности значения и сопоставлению официальной и неофициальной речи. Полученные данные также могут использоваться при подготовке учебных пособий и практикумов по анализу военного дискурса.

Обсуждение и результаты

Военный дискурс рассматривается как разновидность институциональной коммуникации, организация которой определяется профессиональными ролями участников, отношениями субординации и нормативными требованиями. Л. А. Шашок (2018) связывает его специфику со статусно-ролевыми характеристиками военнослужащих, одновременно обращая внимание на соотношение институционального и личностного компонентов общения. О. И. Калинин, С. В. Шермазанова и Т. С. Большакова (2025) выделяют регламентированность и стандартизированность военной коммуникации, рассматривая ее цели, ценности, участников и жанровые разновидности. Вместе с тем институциональная принадлежность участников не предполагает однородности их речевых практик. Как показано в исследовании А. С. Романова, М. Б. Клименко и С. С. Прохорова (2024), выполненном на материале креолизированных текстов военного социолекта США, неофициальная коммуникация отражает как профессиональные ценности, так и проблемные стороны службы, не получающие сопоставимого выражения в официальном дискурсе.

Для разграничения таких речевых практик существенно понятие коммуникативного регистра. Д. Бибер и Дж. Эгберт (Biber, Egbert, 2023) связывают регистровую вариативность с функциональным соответствием между условиями общения и языковыми характеристиками текстов, допуская различия внутри одного регистра. В модели Д. Келлера (Keller, 2026) регистры трактуются как ментальные категории дискурсивных событий, участвующие в порождении и понимании речи. Применительно к настоящему исследованию разграничение официального и неофициального регистров основывается на коммуникативной позиции говорящего: выступлении от имени военного института либо изложении собственного опыта участия в боевых действиях. Поэтому публичность высказывания сама по себе не служит достаточным основанием для его отнесения к официальному регистру.

Цифровая медиасреда расширяет возможности публичного представления обеих форм коммуникации. М. Хеллман, Э.-К. Олссон и Ш. Вагнссон (Hellman, Olsson, Wagnsson, 2016) рассматривают социальные сети как ресурс взаимодействия вооруженных сил с аудиторией и анализируют связанные с ним организационные возможности и риски. С. Молтби, Х. Торнем и Д. Беннетт (Maltby, Thornham, Bennett, 2018) показывают, что военные интернет-форумы совмещают внутригрупповое общение с доступностью его содержания для внешних наблюдателей. В свою очередь, А. Масса и Дж. Анзера (Massa, Anzera, 2023) на материале аккаунта Армии обороны Израиля в Twitter выявляют зависимость форматов институциональной коммуникации от устройства цифровой платформы. Эти исследования позволяют разграничить способ распространения сообщения и характер выраженной в нем коммуникативной позиции. Сопоставление официальной речи и личных свидетельств военнослужащих требует, таким образом, учета не только языкового оформления, но и способов организации представлений о военной действительности.

Глобальное содержание дискурса не исчерпывается последовательностью отдельных тем и высказываний. В концепции Т. ван Дейка оно описывается через макроструктуру, образуемую макропропозициями, которые обобщают локальные значения текста (Dijk, 1980). М. Л. Макаров (2003, с. 87) также связывает тему дискурса с его глобальной смысловой организацией. Соотношение дискурсивного топика, макроструктуры и моделей содержания рассматривается и в работе Дж. Ренкемы и К. Шуберта (Renkema, Schubert, 2018). Эти положения позволяют разграничить содержание отдельных высказываний и смысловое единство дискурса.

При этом дискурсивный топик определяется не только составом языковых единиц, но и деятельностью участников общения. Дж. Браун и Дж. Юл (Brown, Yule, 1983, р. 68) связывают его с релевантностью и когерентностью дискурса, подчеркивая, что темы принадлежат говорящим и пишущим, а не текстам как таковым. Для анализа устной коммуникации это означает, что тематическое единство может поддерживаться без многократного прямого названия предмета речи.

Связь тематической и концептуальной организации дискурса выражена в определении В. З. Демьянкова, согласно которому его содержание «часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого “опорного” концепта» (2003, с. 116). Автор обозначает такой концепт как топик дискурса. В настоящей работе эти понятия

разграничиваются аналитически: топик характеризует тематическую направленность коммуникации, а концепт – структуру актуализируемого знания, включающую признаки, оценки, отношения и типовые ситуации. Например, топик обеспечения безопасности объединяет высказывания о соответствующих событиях и действиях; при реконструкции концепта БЕЗОПАСНОСТЬ устанавливаются представления о субъектах защиты, угрозах, способах их предотвращения и оценке предпринимаемых мер. В пределах одного топика могут актуализироваться несколько концептов, а один концепт может участвовать в организации разных тем.

Когнитивные основания такого подхода представлены в работах Н. Ф. Алефиренко (2009, с. 248), связывающего опорный концепт с формированием общего речемыслительного контекста, и Е. А. Селивановой (2002, с. 241), рассматривающей моделирование информационного пространства коммуникативной ситуации как задачу когнитивной теории дискурса. Ж. А. Вардзелашвили (2004) подчеркивает реконструируемый характер концепта как ментального образования, содержание которого устанавливается через доступные наблюдению языковые явления. Применительно к опорным концептам эти положения предполагают переход от регистрации отдельных номинаций к восстановлению организуемых ими смысловых связей.

При установлении опорного статуса необходимо отличать системообразующую роль концепта от частотности его языковых репрезентантов. Частотность характеризует регулярность актуализации соответствующей области знания, но не определяет ее положение в концептуальной структуре дискурса. Для этого необходимо учитывать представленность концепта в разных текстах, устойчивость его связей и участие в осмыслении значимых ситуаций. В настоящей работе опорным признается концепт, который регулярно актуализируется в дискурсе, представляет существенную область действительности и упорядочивает относящиеся к ней признаки, оценки и типовые ситуации.

В современных исследованиях организующая функция концептов рассматривается применительно к различным дискурсивным областям. О. Н. Гич и Г. Н. Ловцевич (2024) выявляют различия в структуре и содержании концептов NATIVE SPEAKER и НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА, занимающих значимое место в англоязычном и русскоязычном лингводидактическом научном дискурсе. Н. Ю. Бородулина и М. Н. Макеева (2024) реконструируют концепт СЛАКТИВИЗМ через его языковые реализации и соотношение с концептами АКТИВИЗМ и ПРОПАГАНДА в сетевых дискурсивных практиках.

В профессиональной коммуникации А. В. Валиева (2025) выделяет метаконцепты ШАХТА, ВЫРАБОТКА и ПРОХОДКА как устойчивую предметную основу инженерного дискурса угледобычи, отмечая ситуативную вариативность языкового выражения профессионального знания. У. Кауфман и Р. Хаанс (Kaufmann, Haans, 2021) посредством коллокационного анализа устанавливают различия в смысловом окружении концепта RED TAPЕ в академической, политико-административной и медийной коммуникации. Несмотря на различия терминологии и исследовательских задач, эти работы демонстрируют необходимость учитывать как внутреннее содержание концепта, так и его контекстные связи.

На основании рассмотренных положений выделены четыре критерия установления опорного статуса концептов военного дискурса:

- 1) содержательная значимость – представленность существенной области военной действительности и объединение связанных с ней частных смыслов;
- 2) частотная и дистрибутивная устойчивость – регулярная актуализация концепта в разных текстах подкорпуса;
- 3) концептуальная связность – наличие устойчивых отношений с другими значимыми концептами;
- 4) структурная оформленность – воспроизводимость признаков, ролевых позиций и типовых ситуаций, позволяющих реконструировать соответствующий фрейм.

Опорный статус устанавливался при сочетании всех четырех характеристик. Частотность свидетельствовала о регулярности актуализации концепта, а его системообразующая роль определялась содержательной значимостью, устойчивостью связей и внутренней организацией.

Применение указанных критериев позволило выделить опорные концепты каждого регистра и сопоставить их представленность в исследуемом материале. Количественную основу этого сопоставления составили показатели частотности употребления слов-репрезентантов в официальном и неофициальном подкорпусах, приведенные в Таблице 1.

Таблица 1. Частотные профили опорных концептов официального и неофициального устного военного дискурса

Ранг	Официальный устный регистр	ФРМ	Неофициальный устный регистр	ФРМ
1	АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ	28188,3	ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ	5521,8
2	ОРУЖИЕ/ВООРУЖЕНИЕ	12163,7	БОЙ	3545,8
3	УПРАВЛЕНИЕ	10171,0	ОРУЖИЕ	2788,6
4	ВОЙНА	9133,2	ВОЙНА	2382,3
5	БЕЗОПАСНОСТЬ	7721,7	ПОДДЕРЖКА/ТЫЛ/НАРОД	2197,6
6	ГОСУДАРСТВО	6144,1	ЖИЗНЬ	2123,8
7	СОЮЗ/СОЮЗНИЧЕСТВО	4649,6	ПОТЕРИ/РАНЕНИЕ/СМЕРТЬ	1736,0
8	ТЕРРИТОРИЯ/ГРАНИЦЫ	4317,5	ЗАДАЧА	1385,1
9	УГРОЗА	3860,8	КОМАНДОВАНИЕ	1311,2
10	ДОЛГ/ТЕРОИЗМ	2698,4	СТРАХ	1126,5

Сопоставление полученных частотных данных показывает различия в степени концентрации лексических репрезентантов опорных концептов в текстах разных регистров военного дискурса. В официальном

устном регистре значения относительной частотности заметно выше и распределены очень неравномерно. Максимальный показатель приходится на концепт АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ – 28188,3 FPM. Концепты ОРУЖИЕ/ВООРУЖЕНИЕ – 12163,7 FPM, УПРАВЛЕНИЕ – 10171 FPM, ВОЙНА – 9133,2 FPM представлены не так частотно, но при этом они могут считаться дискурсивными доминантами. Минимальное значение частотности среди опорных концептов этой коммуникативной формы дискурса имеет концепт ДОЛГ/ТЕРОИЗМ – 2698,4 FPM. Полученное распределение отражает концентрацию официального корпуса вокруг трех дискурсивных топиков: «действия армии», «использование вооружения» и «организация военного управления», что в целом соответствует тематической направленности выступлений руководителей военного ведомства в условиях вооруженного конфликта.

В неофициальном устном регистре разброс значений частотности значительно меньше от 5521,8 FPM для концепта ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ до 1126,5 FPM у концепта СТРАХ. БОЙ (3545,8), ОРУЖИЕ (2788,6) и ВОЙНА (2382,3) занимают промежуточное положение по частотности. Разрывы между соседними позициями здесь меньше, чем в официальной речи, то есть частотное распределение репрезентантов является значительно более равномерным.

Непосредственное сопоставление можно провести по концептам, которые были выделены для обоих регистров. Для концепта ВОЙНА в официальном подкорпусе зафиксировано 9133,2 FPM, а в неофициальном – 2382,3 FPM; значения концепта ОРУЖИЕ/ВООРУЖЕНИЕ составляют соответственно 12163,7 и 2788,6 FPM. В официальной речи нормированная частотность соответствующих репрезентантов оказалась выше в 3,8 и 4,4 раза. Однако сами по себе эти различия указывают лишь на то, насколько часто концепты актуализируются в дискурсе. Чтобы установить их роль и раскрыть внутреннее содержание, необходимо обратиться к контекстам употребления.

На этапе качественного сопоставления исследовались смысловая организация концептов, структурируемые ими фрагменты военной действительности и характерная для каждого регистра контекстная актуализация. В соответствии с преобладающим смысловым содержанием и прагматическими функциями были выделены четыре блока концептов: институционально-организационный, операционально-конфликтный, ценностный и экзистенциально-аффективный. Рассмотрим их последовательно в сопоставительном ключе.

1. Институционально-организационный блок

В официальном устном регистре военного дискурса институционально-организационный блок представлен концептами АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ГОСУДАРСТВО, УПРАВЛЕНИЕ и СОЮЗ/СОЮЗНИЧЕСТВО. Их контексты задают институциональную перспективу описания военной сферы. Так, в докладе А. Р. Белоусова международная деятельность определяется как деятельность, которая «должна быть направлена на достижение главной цели – обеспечение безопасности России и ее союзников в новом многополярном мире» (2024а). Модальная конструкция «должна быть направлена» представляет действия военного института как подчиненные заранее установленной стратегической цели, а номинации «Россия», «союзники» и «безопасность» связывают концепты АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ГОСУДАРСТВО, СОЮЗ/СОЮЗНИЧЕСТВО и БЕЗОПАСНОСТЬ. Армия тем самым репрезентируется не как совокупность отдельных военнослужащих, а как управляемый государственный институт.

Вертикальный принцип организации армии наиболее отчетливо выражен в содержании концепта УПРАВЛЕНИЕ. В официальном выступлении постановка задач оформляется конструкцией «поручаю сосредоточиться на решении следующих ключевых задач», а планирование представлено как завершенное институциональное действие: «Завершилось планирование обороны государства на ближайшие пять лет» (Шойгу, 2020). Глагол «поручаю» эксплицирует вышестоящего субъекта управления, тогда как сочетание «ключевые задачи» задает нормативно закрепленную последовательность действий. Концепт УПРАВЛЕНИЕ, таким образом, структурируется сценарием «субъект власти – постановка задачи – исполнение – контроль результата».

В неофициальном устном регистре военного дискурса смыслы, связанные с институциональной и групповой принадлежностью, управлением и организацией, сохраняют значимость, но получают личностное наполнение. В интервью бывшего штурмовика уставная номинация включается в автобиографический контекст: «Сделали меня командиром отделения» (Бывший штурмовик о том..., 2023). Сочетание должностной номинации «командир отделения» с местоимением первого лица представляет подразделение не как отвлеченный элемент организационно-штатной структуры, а как ближайшую говорящему боевую общность. Ту же функцию выполняют сочетания «мой батальон», «командир нашего взвода», «все ребята» и «пацаны»: профессиональные термины соединяются с разговорными обозначениями группы и выражают личную включенность в нее военнослужащего.

Смысловое уточнение проявляется и при репрезентации концепта КОМАНДОВАНИЕ. В интервью приказ непосредственно предшествует действию: «Приказ. Вот мы выйдем, нас построят»; «командир батальона: “Отдавайте документы, телефоны”» (Интервью с бойцом СВО..., 2025). Эллиптическое предложение «Приказ» категорично обозначает основание последующих действий, а прямая речь командира воспроизводит конкретную ситуацию подчинения. В отличие от официального регистра, где управление представлено на уровне государства и вооруженных сил, в интервью оно осмысливается через непосредственное воздействие решения командира на действия и безопасность отдельного военнослужащего.

Концепт ЗАДАЧА в неофициальном регистре связан с непосредственным выполнением действий в конкретной боевой обстановке. В интервью он регулярно включается в последовательность «получение задачи – подготовка – выход – выполнение – возвращение» (Выжил в Кременной и Соledаре..., 2024; Гюрза: боец СВО..., 2024), тогда как в официальной речи задача соотносится с государственными целями и приоритетами (Путин, 2022; 2023; 2024). Различие внутри институционально-организационного блока состоит в масштабе концептуализации:

от государства и вооруженных сил в официальном регистре к подразделению, командиру и непосредственному исполнителю в неофициальном.

2. Операционально-конфликтный блок

Наибольшее формальное пересечение регистров обнаруживается в операционально-конфликтном блоке. ВОЙНА и ОРУЖИЕ присутствуют в обоих подкорпусах, но их контексты раскрывают неодинаковое содержание. В официальном регистре к данному блоку относятся также концепты УГРОЗА и ТЕРРИТОРИЯ/ГРАНИЦЫ, в неофициальном – БОЙ.

В официальной коммуникации концепт ВОЙНА включен в военно-политическую и стратегическую систему координат. Так, в выступлении на расширенном заседании коллегии Минобороны военно-политическая обстановка характеризуется через «существующие и прогнозируемые угрозы безопасности России», а развитие вооруженных сил связывается с обеспечением безопасности страны и сохранением стратегического паритета (Шойгу, 2020). Номинации «угроза», «безопасность» и «стратегический паритет» включают отдельные военные действия в государственный сценарий противодействия внешним угрозам. Поэтому ВОЙНА в официальном регистре осмысливается прежде всего как элемент более широкого военно-политического противостояния.

В интервью содержание концепта ВОЙНА варьируется в зависимости от личной позиции говорящего. Высказывания «это война... за наше выживание» и «война идет на выживание» формируют экзистенциальную модель, в которой местоимение «наше» задает коллективную перспективу угрозы. Напротив, в диалоге «для тебя это обычная работа? – Да» война включается в прагматический сценарий контрактной деятельности (Зачем тебе 7 миллионов..., 2024). Краткий утвердительный ответ устраняет развернутую военно-политическую оценку и представляет участие в боевых действиях как принятую профессиональную реальность.

Отдельную линию образуют высказывания о психологическом истощении и адаптации к длительному военному опыту: «от войны уже все устали», «мне вообще без разницы. Деньги платят» (Зачем тебе 7 миллионов..., 2024). Разговорная конструкция «без разницы» и прямое указание на оплату устраняют героико-патриотическую оценку и связывают участие в войне с прагматическим мотивом. В неофициальной коммуникации ВОЙНА поэтому не получает единой интерпретационной модели: она осмысливается как защита страны, работа, вынужденная ситуация, источник заработка и предельная среда выживания.

Концепт БОЙ конкретизирует общую рамку войны через непосредственное участие человека в боевом столкновении. В высказывании «нас просто обнуло всех» (Зачем тебе 7 миллионов..., 2024) разговорный глагол «обнулить» обозначает практически полную утрату подразделения, а местоимения «нас» и «всех» создают коллективную перспективу пережитого события. Номинация «мясорубка» метафорически представляет бой как процесс массового физического уничтожения. Следовательно, в неофициальном регистре БОЙ структурируется не столько через описание тактической операции, сколько через ее интенсивность, риск гибели и последствия для участников.

Еще отчетливее регистровое различие проявляется в содержании концепта ОРУЖИЕ. В официальном дискурсе вооружение включается в систему военно-технического потенциала и стратегического сдерживания: «продолжается перевооружение первого полка на ракетный комплекс с гиперзвуковыми планирующими крылатыми блоками “Авангард”», «уровень современности в Вооруженных Силах составляет 70,1 процента» (Шойгу, 2020). Процессуальная номинация «перевооружение» представляет модернизацию как последовательную государственную деятельность, а количественный показатель переводит ее результат в формат измеряемого отчетного параметра. ОРУЖИЕ/ВООРУЖЕНИЕ тем самым связывается с концептами УПРАВЛЕНИЕ, АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ и БЕЗОПАСНОСТЬ.

В неофициальной устной речи ОРУЖИЕ осмысливается с позиции человека, непосредственно подвергающегося его воздействию. В интервью контрактника ситуация описывается следующим образом: «Танчик по нам накидывает» (Зачем тебе 7 миллионов..., 2024). Разговорная номинация «танчик», глагол «накидывает» и конструкция «по нам» передают событие из телесной перспективы участника боя. Сходную функцию выполняют высказывания «осколок пробил нос» и «кусок руки оторвало», в которых оружие концептуализируется через физический результат воздействия. Если в официальном регистре вооружение выступает технологическим ресурсом государства, то в неофициальном оно становится непосредственным источником телесной опасности и средством выживания.

3. Ценностный блок

Различия обнаруживаются и в способах ценностного осмысления военной деятельности. В официальном регистре этот блок представлен концептами БЕЗОПАСНОСТЬ и ДОЛГ/ГЕРОИЗМ. В докладе А. Р. Белоусова (2024а) международная деятельность вооруженных сил связывается с «обеспечением безопасности России и ее союзников». Отглагольное существительное «обеспечение» представляет безопасность как результат целенаправленного функционирования государственного и военного институтов, а сочетание «России и ее союзников» расширяет круг субъектов защиты до межгосударственного уровня.

Смысловое поле концептов ДОЛГ и ГЕРОИЗМ формирует нормативное представление о ценностях военнослужащего и военной службы. В официальном выступлении действия военнослужащих характеризуются словами «рискуя жизнью и проявляя отвагу, они решительно отстаивают родную землю» (Путин, 2025). Деепричастные конструкции «рискуя жизнью» и «проявляя отвагу» задают нормативные признаки героического поведения, а сочетание «родная земля» связывает его с защитой Родины. Обращение к «несокрушимому поколению победителей» и «памяти об их героизме» дополнительно включает концепт ГЕРОИЗМ в сценарий исторической преемственности.

В текстах неофициального устного военного дискурса ценностная проблематика сосредоточена преимущественно в смысловом поле концепта ПОДДЕРЖКА/ТЫЛ/НАРОД. В высказываниях «за моей спиной стоит моя Родина, стоит мой народ» и «я сражаюсь за этих людей, за их семьи, за свою семью, за свою Родину» (Варвар – интервью с бойцом..., 2024) повтор существительного «Родина» и притяжательных местоимений «моя», «свою» связывает коллективную ценность с личной перспективой говорящего. Перечисление «люди – семьи – своя семья – Родина» последовательно расширяет круг защищаемых субъектов от конкретных лиц до национального сообщества. Поддержка тыла при этом осмысливается как ресурс сохранения моральной устойчивости военнослужащего.

4. Экзистенциально-аффективный блок

Наиболее выраженное межрегистровое различие обнаружено в составе экзистенциально-аффективного блока, образованного концептами ЖИЗНЬ, ПОТЕРИ/РАНЕНИЕ/СМЕРТЬ и СТРАХ. В официальном частотном профиле они не формируют отдельного ряда опорных концептов. Напротив, неофициальная устная коммуникация в значительной мере организована соответствующими смыслами; на этом основании ее модель характеризуется как опытно-экзистенциальная.

Содержание концепта ЖИЗНЬ определяется прежде всего возможностью человека остаться в живых. В интервью она репрезентирована формулами «остаться живым», «выйти», «вернуться», которые включены в описание конкретных ситуаций угрозы, выхода с позиции и возвращения после выполнения задачи. Инфинитивные конструкции обозначают сохранение жизни как ожидаемый результат действия, а не как предмет отвлеченного рассуждения. Поэтому в неофициальном регистре ЖИЗНЬ становится одним из критериев оценки решений и поведения человека в боевой ситуации.

Смысловое поле концепта ПОТЕРИ/РАНЕНИЕ/СМЕРТЬ непосредственно связано с концептом ЖИЗНЬ. Высказывания «нас просто обнулили всех», «осколок пробил нос», «кусочек руки оторвало» (Зачем тебе 7 миллионов..., 2024) представляют потери и ранения как часть лично пережитой причинно-следственной последовательности. Местоимение первого лица множественного числа «нас» выражает включенность говорящего в пострадавшую группу, а глаголы «пробил» и «оторвало» фиксируют конкретный телесный результат воздействия оружия. В отличие от официального количественного описания, в интервью потери осмысляются как цена конкретного боя и принятых решений.

Концепт СТРАХ, нехарактерный для официальной коммуникации, получает в интервью прямое предикативное выражение: «боюсь», «мне было страшно», «страх – это нормально» (Ветеран «Бахмутской мясорубки»..., 2024). Формы первого лица связывают эмоциональное состояние с субъектом личного опыта. Вместе с тем страх не включается в сценарий отказа от действия: признание опасности сочетается с необходимостью продолжать выполнение задачи. Следовательно, СТРАХ осмысливается не как противоположность долгу или героизму, а как естественное состояние, сопровождающее контролируемое действие в ситуации угрозы жизни.

Сопоставление четырех смысловых блоков выявило вариативность не только в составе опорных концептов, но и в принципах организации военной картины мира. Их система не сохраняется в виде неизменного набора единиц: конфигурация связей, содержание концептов и выбор фрагментов военной действительности, получающих концептуальное оформление, варьируются в зависимости от позиции говорящего и коммуникативной ситуации. В официальном устном регистре военная картина мира выстраивается преимущественно в институционально-стратегической перспективе. В неофициальной речи эта модель не исчезает, а расширяется за счет опытного измерения войны.

Медиатизация современной военной коммуникации дополнительно усложняет эту картину. Публичное интервью переносит индивидуальный фронтовой опыт в общее информационное пространство, где он начинает сосуществовать с институциональными номинациями и интерпретационными схемами. Поэтому граница между регистрами оказывается проницаемой, неофициальная речь сохраняет элементы официальной модели, одновременно вводя в публичный военный дискурс те фрагменты опыта, которые в институциональной коммуникации представлены слабее. Медиасреда не устраняет различия между способами осмысления военной действительности, а создает условия для их взаимодействия. Военная картина мира при этом остается подвижной и открытой для новых смыслов, а ее содержание меняется в зависимости от статуса и субъективного опыта говорящего, ситуации общения, адресата и жанровых особенностей речевого акта.

Заключение

Проведенное исследование позволило уточнить содержание понятия «опорный концепт» и определить условия его применения к анализу устного военного дискурса. Установлено, что опорный статус концепта не может определяться только частотностью его лексических репрезентантов. Он устанавливается на основании сочетания четырех критериев: содержательной значимости, частотной и дистрибутивной устойчивости, концептуальной связности и структурной оформленности.

Применение данных критериев выявило различия в составе и частотной организации концептов двух регистров. Официальный регистр характеризуется концентрацией вокруг концептов АРМИЯ / ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, ОРУЖИЕ/ВООРУЖЕНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ и ВОЙНА. В неофициальном регистре наиболее частотными являются концепты ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ, БОЙ, ОРУЖИЕ и ВОЙНА, а самостоятельную группу образуют концепты ЖИЗНЬ, ПОТЕРИ/РАНЕНИЕ/СМЕРТЬ и СТРАХ. Более равномерное частотное распределение в неофициальном подкорпусе отражает тематическую неоднородность индивидуального боевого опыта.

Качественное сопоставление позволило объединить концепты в четыре смысловых блока: институционально-организационный, операционально-конфликтный, ценностный и экзистенциально-аффективный. В официальном регистре первый блок организуется вокруг государства, вооруженных сил и системы управления; в неофициальном – вокруг подразделения, непосредственного командира и исполнителя. Общие концепты ВОЙНА и ОРУЖИЕ также получают различное содержание: в официальной речи они связаны с военно-политическими целями, техническим развитием и стратегическим сдерживанием, тогда как в интервью участников боевых действий – с личным выбором, риском, телесной опасностью и выживанием.

Таким образом, регистровая вариативность концептуальной организации устного военного дискурса проявляется в изменении масштаба концептуализации – от государства и военного института к подразделению и отдельному военнослужащему; в содержательной и сценарной перестройке общих концептов; в усилении эмоционального и экзистенциального компонентов в неофициальной речи. Официальный регистр реализует преимущественно институционально-стратегическую модель, а неофициальный – опытно-экзистенциальную. При этом модели не изолированы: неофициальный регистр сохраняет элементы институциональной картины мира, но дополняет ее индивидуальным опытом непосредственного участника боевых действий.

Перспектива дальнейшей работы связана с включением в корпус письменных и гибридных форм военного дискурса, а также с изучением роли новых форм медиа в концептуальной организации военного дискурса.

Материалы исследования | Research materials

1. Белоусов А. Р. Доклад на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации // Президент России. 2024а. 16 декабря. <https://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/75887>
2. Бывший штурмовик о том, что происходит на передовой: интервью // СЛИВА. YouTube. 2023. 3 октября. <https://www.youtube.com/watch?v=JckEl6zHnzs>
3. Варвар – интервью с бойцом из зоны СВО // Мирослав Смирнов. YouTube. 2024. 12 июня. <https://www.youtube.com/watch?v=ntua2TAjMP0>
4. Ветеран «Бахмутской мясорубки». Штурмовик ЧВК «Вагнер» // Блог о профессиях. YouTube. 2024. 13 июля. <https://www.youtube.com/watch?v=pVt6JU8TVOA>
5. Выжил в Кременной и Соледапе. Фатовый // Блог о профессиях. YouTube. 2024. 17 апреля. <https://www.youtube.com/watch?v=yz-bAYCD6hc>
6. Гюрза: боец СВО: интервью штурмовика о реалиях на фронте // Клизма Цинизма. YouTube. 2024. 25 декабря. <https://www.youtube.com/watch?v=Em3zvYRuiAw>
7. Зачем тебе 7 миллионов, если ты мертвый: честное интервью контрактника / интервью В. Севриновского // РОМБ. YouTube. 2024. 13 ноября. <https://www.youtube.com/watch?v=gTREfrZS5cA>
8. Интервью с бойцом СВО: путь в ЧВК Вагнер и реалии Бахмутской мясорубки // ПОПИТЕНИМ. YouTube. 2025. 26 января. <https://www.youtube.com/watch?v=xQj2XPQIACk>
9. Путин В. В. Выступления на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации // Президент России. 2024. 16 декабря. <https://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/75887>
10. Путин В. В. Поздравление по случаю Дня защитника Отечества // Президент России. 2025. 23 февраля. <https://kremlin.ru/events/president/news/76321>
11. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации // Президент России. 2022. 21 декабря. <https://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/70159>
12. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации // Президент России. 2023. 19 декабря. <https://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/73035>
13. Шойгу С. К. Доклад на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации // Президент России. 2020. 21 декабря. <https://special.kremlin.ru/events/president/news/64684>

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Изд-е 2-е. М.: ФЛИНТА; Наука, 2009.
2. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Концепт СЛАКТИВИЗМ и его реализация в сетевых дискурсивных практиках (на материале русского, английского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 2. <https://doi.org/10.30853/phil20240080>
3. Валиева А. В. К вопросу о ситуативных элементах инженерного (научно-технического) дискурса // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 3 (63).
4. Вардзелашвили Ж. Концепт как лингвистическая категория – «конструктивная сущность» // Сборник научных трудов / Тбилисский государственный университет. Филологический факультет. Тбилиси, 2004.
5. Гич О. Н., Ловцевич Г. Н. Концепты NATIVE SPEAKER и НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА в английском и русском лингводидактическом научном дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28. № 3.
6. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета, 2003.
7. Калинин О. И., Шермазанова С. В., Большакова Т. С. К вопросу об институциональном характере военного дискурса // Военно-филологический журнал. 2025. № 4.

8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
9. Романов А. С., Клименко М. Б., Прохоров С. С. Профессиональный образ мира GI в зеркале креолизованного текста (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. <https://doi.org/10.30853/phil20240199>
10. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. К.: ЦУЛ; Фитосоциоцентр, 2002.
11. Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72).
12. Шермазанова С. В. Концептуальное ядро военного дискурса на материале интервью участников специальной военной операции // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5.
13. Biber D., Egbert J. What is a register? Accounting for linguistic and situational variation within – and outside of – textual varieties // Register Studies. 2023. Vol. 5. No. 1.
14. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
15. Dijk T. A. van. Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.
16. Hellman M., Olsson E.-K., Wagnsson C. EU Armed Forces' Use of Social Media in Areas of Deployment // Media and Communication. 2016. Vol. 4. No. 1.
17. Kaufmann W., Haans R. F. J. Understanding the meaning of concepts across domains through collocation analysis: An application to the study of red tape // Journal of Public Administration Research and Theory. 2021. Vol. 31. No. 1.
18. Keller D. A discourse category model of register representation and processing // Register Studies. 2026. Vol. 7. No. 2.
19. Maltby S., Thornham H., Bennett D. Beyond 'pseudonymity': The sociotechnical structure of online military forums // New Media & Society. 2018. Vol. 20. No. 5.
20. Massa A., Anzera G. The platformization of military communication: The digital strategy of the Israel Defense Forces on Twitter // Media, War & Conflict. 2023. Vol. 16. No. 3.
21. Renkema J., Schubert C. Introduction to Discourse Studies: New Edition. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018.
22. Voice M. Language, cognition, and drone warfare: Applying cognitive linguistic tools in the critical analysis of drone discourses // Journal of War & Culture Studies. 2022. Vol. 15. No. 4.

Информация об авторах | Author information

Шермазанова Светлана Викторовна¹, к. соц. н., доц.

¹ Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва

Svetlana Victorovna Shermazanova¹, PhD

¹ Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow

¹ Shermazanova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.08.2026; опубликовано online (published online): 25.09.2026.

Ключевые слова (keywords): военный дискурс; опорный концепт; официальный устный дискурс; неофициальный устный дискурс; концептуальное моделирование; military discourse; core concept; official spoken discourse; unofficial spoken discourse; conceptual modeling.